

Life on the Atomic River

A one-hour television documentary

in Russian

by Slawomir Grunberg and Slava Paperno

shot-by-shot descriptions
and
complete transcript of the dialog and narration
to accompany digital movie files

Lexicon Bridge Publishers
Ithaca, NY

Inquiries

Lexicon Bridge Publishers

202 Bridge Street, Ithaca, NY 14850, USA

telephone 607/277-3981, fax 607/273-4316

LBPInfo@LexiconBridge.Com

<http://LexiconBridge.Com>

The production of the documentary *На атомной реке (Life on the Atomic River)* was funded in part by a grant from The Consortium for Language Teaching and Learning.

The accompanying film is copyrighted © 1994 by Slawomir Gr̄nberg and Slava Paperno

This description and transcript may be reproduced for the convenience of the teachers and students who use the film for language study.

Муслимово. Колючая проволока, снег, небо, избы. Грузовик поворачивает и исчезает.

За кадром: Вот здесь мы живем.

Географическая карта России

За кадром: На Южном Урале, в Челябинской области. В самой середине России. От Европы далеко, от Японии далеко, от Америки еще дальше. А все-таки приезжают к нам. И из Европы, и из Японии. И из Америки.

Часть 1: Просто так не умирает никто

Стеклоочистители на грязном ветровом стекле машины, затылок водителя.

Грязная дорога, слякоть.

За кадром: В этом году американцы даже два раза приезжали, зимой и летом. Я их возил.

scene 9

Водитель высовывается из машины, обращается к женщине в шубе, в платке и с красной сумкой. Она не отвечает. Водитель захлопывает дверцу.

Водитель: Вы не подскажете, где улица Лесная? Лесная улица где?.. Ну, спасибо.

Женский голос в машине: Не знает.

scene 10

Водитель что-то спрашивает у мужчины на улице.

За кадром: Американцы эти, они кино у нас снимали. Ну, то есть не кино, а нас снимали. В общем, интервью у нас брали.

scene 11

Избы, снег, поле. Лошадь, запряженная в сани.

За кадром: Сначала на кладбище захотели. Любое, говорят — православное, мусульманское, все равно. У нас тут много национальностей живет. И русские, и белорусы, и украинцы. И немцы есть. Но больше всего мусульманских национальностей: татар и башкир.

scene 14

Светлана Ахмадеева, жительница села Муслимово

Светлана в машине объясняет, куда они едут. Затылок водителя и пассажира.

Светлана: Сейчас мы поедем на кладбище, где мы похоронили мою маму. Ну, это мусульманское кладбище. Там вот похоронены только мусульмане. Сейчас вот по этой дороге направо. Да.

scene 15

Заснеженное кладбище. Светлана стоит на дорожке у ограды. Могилы.

Светлана: Вот эти две могилы, одна с решеткой — это мамина, а рядом бабушкина могила. Бабушка умерла через три недели после мамы. Ну сколько я знаю, здесь, знаете, средний возраст 50 лет, здесь женщины и мужчины. Средний возраст такой.

scene 18

Грязная дорога в Муслюмово, мост.

За кадром: С кладбища дальше поехали. Муслюмово — село-то большое, четыре тысячи человек живет. Американцы эти с разными людьми встречались, расспрашивали. Все им одно и то же говорили.

scene 19

пенсионер, житель села Муслюмово

Старик с металлическими зубами стоит в своем дворе. Белье на веревке, дрова.

Пенсионер: Ну, по болезни очень много тут погибло, умерли. От рака, всё... всё вот такие болезни. Вот соседи у нас, вот двое сразу, рядом. Мать... это, хозяин их с женой, вместе, почти что подряд. Один, скажем, в апреле, другой где-то в августе там, примерно. И вот соседка тоже есть, сам хозяин умер и жена умерла тоже.

scene 21

Фарида Шаймарданова, учительница Муслюмовской школы

Дом Фарида, улица в Муслюмово. Фарида, ее муж и дочка.

Фарида: Твой отец умер, не забывай. Тоже 47 лет.

Муж: Да очень много.

Фарида: Свекор мой. Потом вот недавно совсем женщина умерла 49 лет. В прошлом году учительница умерла 53 лет. В основном старики вот, ну как, 70-ти, 80-тилетние, они держатся за счет того, что они выросли в здоровой экологической среде, а люди более молодого поколения, ну следующего поколения, те, кому сейчас 40-50, вот им сейчас хуже всех пока приходится. А у нас все впереди. И у наших детей тоже.

scene 24

Дорога на пути в Бродокалмак, вид через ветровое стекло. Небольшое каменное здание больницы. Женщина-врач входит в женскую палату.

Женщины сидят на металлических койках.

За кадром: После Муслюмово в Бродокалмак поехали, это другая деревня на нашей реке. Там в больницу пошли. Небольшая там больница, коек на 20. В больнице у них с доктором Слюсарёвой был разговор.

scene 25

Пятна ржавчины на потолке и стенах. Врач садится на койку, меряет давление пациентки, задает ей вопросы.

Слюсарёва: Что беспокоит? Все хорошо? Нога как? Чешется? Это внутривенное делали? Ни головные боли, ничего нет?

scene 26

Алекса́ндра Дми́триевна Слюсарёва, врач больницы в Бродокалма́ке

Женщина-врач стоит в коридоре больницы и рассказывает.

Слюсарёва: В течение предыдущего года, 91 года, у нас умерло от рака различных локализаций 9 человек. В течение 2 месяцев этого года, это январь-февраль, уже умерло 6 человек. причем возраст довольно-таки молодой, самому старшему 67 лет, а в основном 60-62 года. Один совершенно молодой мужчина в возрасте 35 лет погиб буквально за два месяца, от рака печени.

scene 28

Ната́лья Шуба́нова, медсестра из посёлка Ми́рный

Медсестра рассказывает, надевая пальто.

Шуба́нова: Если умирают, то умирают от рака. Уже просто так не умирает никто. Почти. Так вот.

scene 29

Раби́га Сунраси́на, жительница посёлка Аргая́ш

Женщина в красной кофте рассказывает, стоя у плиты в своей квартире.

Сунраси́на: Продавщица вот у нас, Галя умерла недавно. Вот тоже говорят, рак был у нее, давно болела. Года три, говорят, она болела.

Славомир: Кто еще?

Рабига: Вот ее знаю, еще кто? Вообще молодые у нас умирают, кое-как в 50 - 56 так, в 40 лет... больше и никто и не живет, вот у нас, вокруг наших.

scene 31

Светла́на Ахмаде́ева, жительница села Муслóмово

Молодая женщина в белой футболке стоит у стереоустановки в комнате и рассказывает.

Светла́на: Мама умерла в таком молодом возрасте, 49 лет, у нее был диагноз рак желудка с обширными метастазами в легких. Конечно, я считаю это связано с речкой. У нас очень много таких людей, которые умерли с диагнозом рак чего-то, чего-то. Моя первая учительница умерла, у нее был диагноз рак мозга. Ну и вообще много у нас в деревне таких. Дети я знаю очень болеют.

scene 33

Ле́на Морóзова (выросла в селе Муслóмово)

Молодая женщина в белой футболке, платке и рабочих рукавицах стоит в поле с мотыгой в руке. Вытирает глаза, рассказывает.

Ле́на: У нас уже, знаете, 6 одноклассников вот моих умерло. Ну вот девочка умерла в двадцать лет, у ней — первая она у нас была — у ней в общем почки это... как сказать, высохли почки.

scene 34

Женщина в синем жакете и красном платке идет через поле.

За кадром: Летом американцы с Хролёнко познакомились, которая воспитательницей в детском доме была, в деревне Боёвка.

scene 35

Сóфья Герáсимовна Хролёнко, бывшая воспитательница детского дома

Женщина в синем жакете и красном платке стоит в поле, рассказывает.

Хролёнко: Было 30 человек. Вот. Из них осталось 7 человек всего в живых. Остальные умерли. И даже дети, некоторые в детском возрасте умерли, когда выселили, так через несколько времени, кто-то через год, кто-то через 2 года, а некоторые умерли, ну, лет 10 прошло. У некоторых белокровие признавали. Вот. А чаще всего рак.

scene 37

Рамíль Ягафáрович Мухомедья́ров, учитель Муслóмовской школы

Мужчина в куртке идет по деревне и рассказывает. Лужи посреди улиц, покосившиеся заборы.

Рамíль: Когда тетя лежала в больнице, я все-таки пришел к такому выводу, что умирают в основном от рака. И естественно об этом не говорят, но умирают в основном от рака. Вот сейчас мы подойдем к дому, там мужчина умер, тоже, он даже до пенсии не дожил... лейкоз, это чисто уже речное, последствие реки. В общем, я сам сидел, считал, сколько же вот по нашей улице, вот по моей, которая я живу, умерло от рака, не дожив даже до пенсии, и я насчитал 13 человек. 13 человек, да, может быть есть еще больше, но вот которых я помню. Вот пожалуйста, вот здесь жил, он тоже не дожил до пенсии — лейкоз, да, от лейкоза умер. Ну через 2, через 3 дома буквально каждая семья потеряла или хозяина, или дочь. Такая ситуация. Я считаю, что это не нормально. Я бы согласился с тем, если люди умирали как-то дожив до пенсии, своей какой-то болезнью, понимаете, естественной смертью, но тут — это последствия реки.

Часть 2: Река заражена

scene 44

Небо, снег, колючая проволока, грузовик едет по дороге. Женщина в длинном зимнем пальто идет по льду через замерзшую реку.

За кадром: Вот это наша река, Теча. А дама, что по льду идет с дозиметром, это Луиза Васильевна Коржова, активистка наша. Меряет радиоактивность.

scene 46

Луиза Васильевна Коржова, сопредседатель ассоциации Кыштым-57

Шкала дозиметра крупным планом: 139 микрорентген в час.

Славомир: Что это значит?

Коржова: Ну, у нас было 11-12, а здесь 139, это значит в 10 раз больше. Но это снег сейчас, здесь снег, поэтому все это экранируется, а на самом деле еще выше.

scene 49

Женщина в длинном зимнем пальто идет по снегу, разрывает снег ногой и кладет дозиметр на лед.

За кадром: Американец, который по-русски говорил... Славомир его звали... он когда услышал, что на снегу 139 микрорентген в час, он ее попросил, чтобы на льду тоже померила. Норма-то у нас от 10 до 20 микрорентген.

Коржова: Вот здесь должен быть... Там кончается река... это уже вот лед, это мы на реке стоим. Сейчас мы попробуем включить и посмотреть, что будет... Сто девяносто два.

scene 51

Женщина — Коржова — в длинном зимнем пальто идет по снегу.

scene 52

Коржова сидит за столом в кабинете ассоциации Кыштым-57, говорит по телефону.

Коржова: Юрий Васильевич, добрый день. Коржова. Коржова. Да.

За кадром: Коржова живет в Челябинске. И вся история нашей реки и радиоактивности у нее записана.

scene 53

Коржова сидит за письменным столом и рассказывает.

Коржова: Та ситуация, которая сложилась в области, обусловлена созданием у нас мощного ядерного комплекса, целью которого было создание ядерного оружия в той ситуации, которая существовала в стране. В короткие сроки был осуществлен пуск первого реактора для наработки оружейного плутония, создан комбинат, который этим начал заниматься. И таким образом с момента пуска этого комбината, с 49 года, когда начал работать химический комбинат по

производству оружейного плутония, начался прямой сброс радиоактивных отходов в реку Теча.

scene 55

Летний пейзаж: берега реки, люди, стадо гусей.

Коржова: На берегах этой реки проживало достаточно большое количество населения, 124 тысячи, которые и пострадали в результате сброса высокоактивных вод прямо в эту реку. Это было замечено в 51 году впервые, и с 56 года началось отселение деревень с берегов этой реки. На сегодня до села Муслимово все населенные пункты по существу с берегов этой реки снесены, там люди не живут.

scene 56

Коржова достает карту и показывает деревни на карте.

Коржова: На территории Челябинской области сегодня проживают вдоль реки... это — 4 населенных пункта осталось. Это Муслимово, Бродокалмак, значит, Русская Теча, и Нижняя Петропавловка. Вот четыре деревни, которые до сих пор, жители которых до сих пор живут на этой реке.

scene 61

Коржова, стоя у стола в кабинете ассоциации Кыштым-57, рассказывает.

Коржова: Вторая аварийная ситуация произошла в Челябинске в 57 году и связана с взрывом хранилища высокоактивных отходов. Было выброшено 20 миллионов кюри активности, которые разнеслись по территориям Челябинской, Екатеринбургской и Тюменской областей. Вот показано... след вот этого радиоактивного взрыва. В результате этой аварии пострадало 272 тысячи человек, 272 тысячи человек.

Часть 3: Это было в 57-ом году

scene 64

Затылок водителя, вид через ветровое стекло: заснеженная дорога, избы, заборы.

scene 65

Группа людей заходит во двор бородатого башкирского крестьянина. Высокий зеленый забор, рубленая изба. «Здрате» «Селям» Затем они в другом дворе — разговаривают со старыми бабками в платках. Их речь практически не слышна. Потом — третий двор, где толстомордый беззубый мужик, мальчик, старуха-башкирка в платке. Лошадь, запряженная в сани, выезжает со двора.

За кадром: Мы с ними побывали во многих деревнях — в Муслюмово, Бродокалмаке, в поселках Багаряк, и Аргаяш, и Мирный, в деревне Тишино, да и в других местах. Людей искали, которые еще помнят этот взрыв. Но мало кого нашли. Давно все это было, а главное — нам же никто не объяснил тогда, нам не сказали, что был за взрыв, что там взорвалось и почему. В то время народу вообще ничего не объясняли.

scene 68

Пинько́, житель деревни Багаряк

Небритый мужчина с усиками, в телогрейке и шапке-ушанке, рассказывает, стоя на деревенской улице и энергично жестикулируя.

Пинько: Не помню число... почтальонка приезжает, в общем почту тогда возили на лошадаках... приезжает женщина: «Знаете что, мужики, я сегодня видела какое-то облако... не было никакого ни тумана... какое-то облако нехорошее, вроде красное, коричневое или вроде того. Я посмотрела, оно ну улетело. Главное, — говорит, — ни грозы, ничего нету — не было облаков тут, пасмурного-то. Вот одно облако пролетело.» Потом, значит, месяца через два мы сидим в правлении: я, председатель, бригадир там, животноводцы сидели — четверо. Приезжают две машинки, значит. В дубленках парни — три парня на машинке на новой, на проходимой машинке. «Ребята! Здрате! Здрате! Давайте вот нам гуся найдите, пожалуйста, баранчика неложеного, бычка неложеного найдите нам, пожалуйста. Мы думаем, еб твою мать... простите за выражение... Значит что-то или кто-то родился или кому-то годовщина или свадьба какая, понимаете. Что такое? Ну и ладно, мы нашли им, значит, они деньгами бросаются, сколько запросит человек, столько берем. Теперь, значит, через недели две: «Ну-ка, товарищи!» — приезжают на четырех, на пяти машинах ребята и по всем участкам — и в поле, и на ферму, и по населению — пошли со всеми с этими с приборами. А, вот, товарищи! До нас тогда дошло: вот что. Вот с этого и началось.

scene 69

пенсионер, житель посёлка Багаряк

Пожилой мужчина в зимнем пальто, шарфе и ушанке, с большим носом, стоит на деревенской улице и рассказывает. Другой мужчина проезжает мимо на санях, которые тащит лошадь.

Пенсионер: Значит это в было в 57 году. Я работал в дорожном отделе в тот период времени, райисполкома. И вот... Ну и что дальше? Взрыв получился, значит, вот поставили везде эту, охрану. Милиция. Ни за грибами, ни за яйцами, ни за чем... Ни за грибами, ни за ягодами... было запрещено. А потом сняли все. В тот период времени знаете как было это — все засекречено и неизвестно ничего было. Вот так вот.

scene 70

Орэфий Пономарёв, бывший председатель сельсовета посёлка Багаряк

Пожилой мужчина в телогрейке и ушанке рассказывает, стоя на деревенской улице. Позже — женщина в синем платке и мужчина набирают воду в бидоны у колонки. На заднем плане видна собака и детские санки.

Пономарёв: Ну говорили, что взрыв, значит, небольшой был силы, особенной опасности не представляет,.. где возмо... где более была концентрация, те села были отселены. У нас же информации же не было. Ни телевидения, ни газет. На эту тему же не информировали нас. В газетах мы не читали, в журналах не публиковалось тоже. Только вот последнее время, где-то вот после 85-го года примерно стало не секретом.

scene 72

Идрис Сунрасин, житель посёлка Аргаяш

Мужчина болезненного вида, небольшого роста, в синем джемпере и клетчатой рубашке сидит на кровати и рассказывает. Позже вытирает лицо большим платком.

Сунрасин: Мне десять лет было, когда взрыв был.

Славомир: Помнишь что-нибудь о...?

Сунрасин: Ну помню мы в лесу бегали. Солдаты окружили деревню нашу, из леса всех выгонять начали. В общем деревню всю, население собрали, ни туда, ни сюда не выпускали, не запускали уже в деревню. Солдаты уже.

Славомир: И что вам говорили?

Сунрасин: Ничего. Обычно, ничего не... ничего не сказали, ни взрыв, ничего, так. Просто — запретная зона и все. Поставили столбы, запретная зона, мол, и все. О взрыве ничего не было.

scene 73

Лёв Петрович Феоктистов (работал в Челябинске-65)

Пожилой, седовласый мужчина интеллигентного вида сидит в московской квартире, ковыряет в ухе. На нем серый пуловер, белая рубашка, черный галстук. Он рассказывает. Подходит его жена, кладет на стол салфетку, готовясь накрывать к чаю.

Феохтистов: Мы ничего не видели. Вот непосредственно в момент этого взрыва мы ничего не видели. Ну может быть не в ту сторону смотрели, я даже не помню, в какое это время произошло, это днем было или вечером, или ночью. Одним словом, непосредственно этот взрыв никто не видел. Не знаю я этого. А вот на следующий день прошли предупреждения о том, что вот это событие состоялось. Я думаю, что это было... такая предупредительная мера, не очень-то понимали, что случилось, и на всякий случай предупреждали, чтобы ну в леса за грибами не ходили, там куда-то не вылезали, вот в таком роде. Одним словом, было предупреждение, что произошла некая авария и что будьте осторожны. Ну и все, собственно говоря.

scene 77

Лето. Затылки водителя и Коржовой, вид через ветровое стекло на шоссе, домики по сторонам, деревья. Позже машина подъезжает к каменным зданиям за металлической оградой.

Водитель: Контрольно-пропускной пункт. Вот здесь был вот он, стоял. Сейчас убрали.

Коржова: А вот милиция.

Водитель: А вот милиция, которая...

Коржова: ... которая бдит.

Водитель: Да.

Коржова: Осторожно с камерой. Сейчас они за нами увяжутся.

За кадром: В Челябинск-65, где производится плутоний, американцев не пустили. Туда и мне-то не попасть — специальный пропуск нужен. Но Славомир хотел найти кого-то, кто больше знает об этом взрыве, и мы поехали в Челябинск-60, на опытную станцию. Раньше и туда нужен был пропуск, но в прошлом году ее открыли. Коржова устроила им встречу с директором, и Славомир его спросил, как получился взрыв.

scene 80

Геннадий Николаевич Ромánов, директор ОНИСа в Челябинске-60

Директор Опытной научно-исследовательской станции (ОНИС) — мужчина в светлой рубашке и галстуке рассказывает, сидя за письменным столом в своем кабинете.

Ромánов: В общем, произошла банальная вещь — датчики контроля вышли из строя. И... вышли вот из строя, и в одной вот из емкостей стало невозможно так сказать с помощью приборов контролировать температуру. Ну, надеялись, что она будет не очень высокая. А вместе с тем, значит, раз эти датчики вышли вот из строя, и нарушилась система охлаждения, то есть, ну посылать вот команду включить-выключить воду было некому, ну и привело к тому, что вышли из строя датчики охлаждения... датчики контроля, вышла из строя система охлаждения, произошел разогрев хранящихся в емкости солей, а это были преимущественно нитраты ацетата, то есть соединения это... взрывоопасная смесь, и вот этот саморазогрев смеси привел как раз, скажем, к термическому

взрыву, и все, и вот это все разнеслось. Вот это была вот основная причина этого взрыва.

Славомир: И сколько людей погибло?

Романов: Ни одного. Ни одного. Людей здесь не погибло ни одного.

Славомир: А потом?

Романов: И потом ни одного. У нас нет никаких доказательств, что кто-либо погиб либо напрямую от взрыва, либо в результате заболевания. Нет таких фактов. Никто не погиб.

Часть 4: Мы ничего не знали

scene 87

Вид из идущей машины: заснеженные поля, дорога. Затылок водителя. Позже — табличка «Радиация. Проход и проезд запрещен»

Голос Владимира за кадром: Я можно сказать об этом ничего не знал. Говорили, что «нельзя, нельзя, опасно, опасно», а что опасно, что нельзя — никто так не мог толком объяснить.

scene 88

Владимир Ишкуатов, член ассоциации Кыштым-57

Надпись на каменной тумбе: «Внимание: Радиация. Река заражена. 1150 м.рнт./час.» Позже — мужчина в кожаной куртке и меховой шапке рассказывает, стоя перед тумбой, возле шоссе, которое ведет из Челябинска в Кунашак. Позже другой знак: «р. Теча. р. Теча заражена»

Владимир: «Внимание: Радиация. Река заражена» об этом, ну как вам объяснить? Я могу так сказать, что это появилось недавно, года четыре-три назад, два, может быть — не более. Потому что ранее я проезжал здесь, не видел никаких подобных, как говорится, знаков, никаких надписей не было. Об этом даже люди, проезжая здесь, не знали... останавливались, брали воду, шофера заливали там в машины, пили некоторые. Тоже не знали.

scene 92

Светлана Ахмадеева, жительница села Муслумово

Светлана — молодая черноволосая женщина в белой футболке — стоит возле стереоустановки и шкафа с посудой и рассказывает.

Светлана: Ну, правду про нашу речку мы, конечно, узнали недавно. Буквально вот в прошлом году, вот в этом году, и то может это еще не вся правда. Ну раньше, сколько я себя помню, нам... мы бегали на эту речку. Родители нам вроде бы и запрещали... и не одобряли, но вроде бы и не запрещали. Ну потому что все не были уверены, насколько в том... насколько это действительно опасно. Я помню, что ходил милиционер по берегу реки, прогонял нас детишек, а для нас это была игра, мы убегали от него, от милиционера, прятались. Спрячемся где-нибудь, он уйдет подальше, мы опять ныряли в речку. Для нас это была игра. Сейчас я вспоминаю, конечно, с ужасом, сейчас я и близко подходить боюсь к этой речке. Но если бы кто-то нам тогда объяснил, мы бы хотя бы не купались в этой реке. А я помню, маленькая была, мы там гусей пасли, телят пасли постоянно возле этой речки. И сами искупаемся... Это же такой соблазн, летом жарко, и хочется так на речку искупаться.

scene 93

Александра Дмитриевна Слюсарёва, врач больницы в Бродокалмаке

Женщина-врач стоит в коридоре больницы и рассказывает.

Слюсарёва: У нас население, ну, не информировано было, абсолютно. Загородили эту речку, закрыли, но все продолжали и купаться, и рыбу ловить. Сенокосные угодья на берегу этой реки, выпасы. Так что в общем-то употребляли и продукты, так сказать — мясо, молоко — и пользовались рыбой из этой речки, сено косили, ну и купались, продолжали, несмотря на все эти запреты. Потому что как таковой просветительной работы не было проведено: почему нельзя. Просто был запрет: нельзя и все. А почему нельзя — людям не объяснили. В общем-то они и до настоящего момента многие не информированы и продолжают употреблять и рыбу, и продолжают купаться в этой речке.

scene 97

Сóфья Герáсимовна Хролénко, бывшая воспитательница детского дома

Женщина в синем жакете и красном платке стоит в поле, рассказывает.

Хролénко: Когда я уезжала отсюда, то грибы, белые, сушеные... сушила их и таких вот два мешка больших увезла с собой. И там соседей, всех этих, знакомых своих, куда Муслумовский совхоз выселили, там все грибы эти вместе с нами ели.

Славомир: А ты не боялась, что они может быть...

Хроленко: Ну как не боялась? Бояться-то мы боялись, но знаете еще... Если бы нам сразу сказали, что нельзя ни к чему притрагиваться, что есть нельзя... А то ведь по существу-то люди... никто ничего не знал, что... насколько это опасно.

scene 99

Лéв Петро́вич Фео́ктистов (работал в Челябинске-65)

Пожилой, седовласый мужчина интеллигентного вида сидит в своей московской квартире. На нем серый пуловер, белая рубашка, черный галстук. Он отвечает на вопросы Славомира.

Славомир: Вы знали, что Теча заражена?

Феоктистов: Да, знали. Но к Тече я не подходил, и уж тем более... мы знали, что эта река в общем-то... Но у меня было впечатление всегда, что она не столько заражена... и так на самом деле... не столько заражена этим взрывом, сколько сбросами самого комбината.

Славомир: Об этом все знали, да?

Феоктистов: Об этом более-менее все знали, хотя опять это не афишировалось, опять об этом не... в газетах не писали, но так почему-то всем было известно.

scene 100

Ири́на Га́шкóва, работник сельсовета посёлка Бага́ряк

Дети в зимних пальто и шапках, обвязанные шарфами, стоят на деревенской улице и разговаривают со Славомиром и дамой в белой шапке. Проезжает синий мотоцикл с коляской. Позже дама отвечает на вопросы Славомира.

Славомир: Вы не знаете ничего, что здесь случилось?

Дети: Нет. Мы знаем что тут старая школа была. И ее, это, сожгли.

Гапкóва: А почему они должны знать? Взрослые-то только что начинают узнавать. А они вообще ничего не знают — дети. Они даже не знают... Тем более вот, небольшие. Это может быть десятый класс там, девятый, еще кое-что понаслышке слышат, а эти не знают.

Славомир: Скажи им теперь.

Гапкова: Если бы меня проинформировали правильно, наверное я правильно бы им ответила, но если учителя также никакой информации не имеют, что они будут, какую информацию ученикам давать? Так же наверно, лучше ничего не говорить, если не знаешь толком. Вот.

scene 107

Шаймардáнова, третьеклассница Муслóмовской школы

Третьеклассники сидят за партами в большом, светлом классе. Учительница задает им вопросы.

Третьеклассница Шаймардáнова: Какой-то завод взорвался, и поэтому эта речка стала атомная. Больше я ничего не могу сказать.

Учительница: Можно в речке купаться? Скажите дяде.

Школьники: Нет!!!

Учительница: А вы будете купаться летом на речке?

Школьники: Нет!!!

Учительница: А ваши братья и сестры будут купаться? Вы им разрешите?

Школьники: Нет!!!

Учительница: Нет, конечно. Никогда мы не пойдем на речку. Потому что она у нас болеет, да, ребята? Когда человек болеет, можно к нему приходить в гости?

Школьники: Нет!!!

Учительница: Нет. И речка болеет. Значит к ней подходить мы с вами никак не можем. Да. А то мы заболеем. Вы хотите болеть?

Школьники: Нет!!!

Учительница: Нет, не хотим мы болеть. И постараемся не болеть.

Часть 5: Дети у нас болеют

scene 109

Врач в белом халате входит в палату, где мужчина и двое больных детей смотрят телевизор. Врач осматривает девочку, задает ей вопросы.

Врач: Здравствуйте. Давайте-ка я вас посмотрю. Давай, моя хорошая, пойдем. Послушаем тебя. Пойдем. Не бойся. Я тебя послушать пришла только, животик посмотрю. Давай я тут сяду, давай вот так встанем. Давай, повернись ко мне. Как ты себя чувствуешь-то? А? Нигде не болит? Не жаловалась она сегодня? Нет? Ну давай разденемся, платье снимем. А ты кушала сегодня? А? Хорошо покушала? Все съела? Давай, послушаю. Не кашляешь? Нет? Значит покушала хорошо, не тошнит, не рвет, да?

scene 110

Лéна Морóзова (выросла в селе Муслóмово)

Молодая женщина в белой футболке, платке и рабочих рукавицах стоит в поле с мотыгой в руке и рассказывает.

Лéна Морóзова: Ну тут много, тут вот практически все мои вот одногодки, мои одноклассники, у всех все что-нибудь вот болит. Нету такого вот, чтоб я сказала вот: «Совершенно здоровый человек». Все больные. Вот любого ребенка взять. А дети вообще у нас, я не знаю, вымирающее какое-то поколение наверно.

Славомир: А сколько тебе лет?

Лéна Морóзова: Тридцать два.

Славомир: Ты говоришь, что это поколение самое больное?

Лéна Морóзова: Нет, я думаю, что дети наши еще больнее нас. Мы все-таки вот тридцать два... только к тридцати годам начинаем болеть, а дети вот считайте с рождения... Чего у меня дочка заболела, ей было год и три, малютка, вообще маленькая.

scene 113

Евдокия Григорьевна, учительница школы в Бродокалмаке

Классная комната полна старшеклассников и родителей: это — первое в истории школы собрание, посвященное неблагоприятной экологии района. Учительница говорит стоя, сильно жестикулируя.

Евдокия Григорьевна: Мы прекрасно понимаем, что у детей наших понижен иммунитет в частности именно от нашей экологической обстановки, от нашей радиации. Посмотрите, сколько у нас в школе больных детей. Ведь 90% учащихся больны какими-то болезнями. У многих разрушены совершенно зубы. У других — костные заболевания. У многих ребят склероз. У многих хандроз. У многих почки. Различные хронические заболевания. Откуда это? И еще один факт. В нашей школе есть целый класс детей — это 5-ый Гэ класс, который обучается у нас уже несколько лет, идет по отдельной программе. Мы с вами все об этом прекрасно знаем. Это дети умственно отсталые. Раньше об этом тоже не говорили, а сейчас об этом говорят, и мы с вами давайте будем говорить.

Мы всё это знаем. Отчего это? Отчего у нас столько появилось в школе — целый класс — умственно отсталых детей? Это от нашей радиации.

scene 114

учительница начальных классов школы в Муслóмово

Пожилая учительница в серой кофте стоит у доски и рассказывает.

Учительница: Я работаю в начальных классах. Дети были, ну, сообразительными, активными, здоровые были, а в настоящее время, в последнее время, дети у нас часто болеют, память у них короткая, голова больн... голова часто у них болит, жалуются на головные боли. Даже у некоторых кровь из носа идет во время урока. Да.

Славомир: Почему это случается?

Учительница: Почему это случается? Потому что мы живем в загрязненной зоне.

scene 115

Генна́дий Никола́евич Рома́нов, директор ОНИСа в Челябинске-60

Ученики одного из младших классов сидят за партами в большом, светлом классе. Затем камера переходит в кабинет Романова. Романов сидит за своим письменным столом и отвечает на вопросы Славомира. Позже — пустые полки в продовольственном магазине, толпа покупателей в отделе, куда привезли подсолнечное масло.

Славомир: То, что я слышал от учителя, например, что дети болеют. Это, ты думаешь, что это паранойя?

Рома́нов: Вы знаете, я это все отлично знаю. Вы знаете, что, значит, уровень заболеваемости детей,.. которым, так сказать, хотят муслóмовцы вот оперировать как доказательством, что они вот облучились,.. аналогичные, так сказать, картинки наблюдаются во многих деревнях, где проживает башкирское население. У нас очень низкий уровень медицинского обслуживания, уровень медицинской помощи. Это вот первое. Плохая диагностика заболеваний. Во-вторых, в общем, особенно в последние годы резко ухудшилось качество жизни. И в частности ухудшилось качество питания. Скучная, однообразная, несбалансированная пища. Ну и плюс вот образ жизни.

scene 118

Женщина-врач заходит в детскую палату.

Врач: Так, ну-ка, мамочки, приготовьтесь.

Женщина (заплакавшему ребенку): Нет, нет, нет, нет, тебя никто не трогает. Кому ты нужен? Кому ты нужен?

scene 119

Гульфаридá Гали́мова, врач больницы в Муслóмово

Женщина-врач рассказывает, стоя в детской палате возле ярко-желтой стены.

Гали́мова: Очень часто они у нас, ну, болеют желудочно-кишечными, в смысле, заболеваниями. Это вот школьники. Потом частые носовые кровотечения, это уже дети-школьники начинают жаловаться. И еще один такой признак: во-первых, они очень многие у нас аллергичны, то есть у них у многих непереносимость на лекарства, на пищевые продукты, и... в общем-то еще у них такая склонность у всех — у них очень плохие зубы.

scene 120

Генна́дий Никола́евич Рома́нов, директор ОНИСа в Челябинске-60

Директор Опытной научно-исследовательской станции (ОНИС) — мужчина в светлой рубашке и галстуке отвечает на вопрос Славомира, сидя за письменным столом в своем кабинете.

Славомир: Когда я разговариваю с врачами, например, они...

Рома́нов: Какими врачами? Откуда врачи?

Славомир: Ну, врачи в больнице в Муслумово...

Рома́нов: Муслумовские? Они все невежественны. Они невежественны в вопросах радиобиологии и радиологии. Они ничего не знают. Над ними преобладают эмоции.

Часть 6: Винтики государственной системы

scene 121

Городское многоэтажное здание с вывеской «Филиал №4 Ордена Ленина института биофизики». Кабинет доктора Мирры Моисеевны Косенко, заведующей клиническим отделением Филиала. Косенко говорит по телефону. Затем мы видим ее у полок с медицинскими карточками.

За кадром: В Челябинске у них институт открыт, исследовательский. ФИБ называется. И там нас вот уже сорок лет исследуют.

scene 124

Мира Моисеевна Косенко, заведующая клиническим отделением ФИБа
Косенко — женщина в белом халате стоит возле полок с медицинскими карточками и рассказывает.

Косенко: Вы были в селе Муслимово и разговаривали там с жителями, видели реку, которая загрязнена радиоактивными отходами, а вот в этой комнате собраны амбулаторные карточки, медицинские документы на жителей этого села. Осмотры этих жителей начались не сразу после того, как случилось вот несчастье, эта беда. Радиоактивные отходы... теперь нам говорят, что радиоактивные отходы сбрасывались в реку Теча с конца сорок восьмого года, когда начал функционировать, начал действовать завод — радиохимический — по переработке облученного топлива. Вот начались сбросы отходов. А осмотры начались в Муслимово наверно в пятьдесят третьем году, то есть через несколько лет после того как это случилось. И вот все записи о состоянии здоровья этих людей, начиная с 53-го года вот до настоящего времени, хранятся в этих документах. Эта комната показывает, каковы были масштабы этой беды, сколько людей пострадало от радиоактивных отходов, от действия этого предприятия.

scene 126

Александр Васильевич Аклеев, заведующий ФИБа
Молодой мужчина в костюме с галстуком и в очках стоит в кабинете и рассказывает.

Аклеев: Существовал специальный приказ, по которому запрещалось в медицинских документах говорить о том, что у человека лучевая болезнь. А вместо этого был введен термин, сокращение, аббревиатура: астено-вегетативный синдром. Все, кто занимается этой проблемой, если они видели, что в медицинских документах написано «астено-вегетативный синдром», все знали, что это значит, у больного хроническая лучевая болезнь.

scene 128

Мира Косенко в белом халате показывает медицинские карточки и объясняет.

Косенко: Тут нельзя было написать «лучевая болезнь». Этого мы не имели права. А как же тогда мы обозначали? Было дано нам такое разъяснение, что мы

должны обозначить это буквами. И вот три буквы... называлось АВС, это русские буквы, и если такая запись появится — АВС, она у нас есть в карточках, мы можем вам найти, — все из наших сотрудников знали, что это и есть лучевая болезнь. Такой аббревиатурой обозначалась хроническая лучевая болезнь. Вот в 56-ом году первая степень лучевой болезни. Тут не написано, что первая степень... тут не написано, что лучевая болезнь, тут вот. Вот это и вот это говорит о том, что вот у этого человека была лучевая болезнь. Мы это знаем.

scene 129

Собья Герасимовна Хроленко, бывшая воспитательница детского дома

Хроленко, пожилая женщина в зимнем пальто, стоит в школьном спортивном зале и рассказывает.

Хроленко: Нам не говорили о том, что вот мы болеем-то из-за радиации. Нам ставили всем это... сосудистая... диагноз «сосудисто-сердечная...» да, «вегетативно-сосудистую дистонию». Всем.

Славомир: Что это значит?

Хроленко: Ну это болезни сердца, болезни крови.

scene 132

Мира Косенко в белом халате стоит возле полок с медицинскими карточками и рассказывает.

Косенко: Они ничего не знали, и мы не имели права им говорить о том, что они облучились. На этой всей информации стоял гриф «секретно», и засекречено это было по-видимому, в связи с тем, что завод сам, где производился бомбовый плутоний,.. о его местонахождении не должен был никто знать. Если бы стало известно, что рядом с каким-то местом люди облучились, то можно было бы восстановить, где находился завод. Повидимому в связи с этим никакой информации этим людям об облучении не давалось.

scene 133

Трегубенков, сопредседатель ассоциации Кыштым-57

Танк на постаменте, затем памятник танкисту. Позже — мужчина в сером костюме сидит за письменным столом в большом кабинете и рассказывает. За спиной у него большая карта СССР.

Трегубенков: Эти люди, которые должны были бороться с правительством, с государством против того, что они видели. Но на мой взгляд вот здесь произошло чего у нас очень часто происходит: это люди стали просто винтиками государственной системы. Они начали изучать людей как мышей. То есть виварий определенный сделан был, и защищались докторские, причем на высоком уровне, люди получали награды... а людям... а тех людей, которых они изучали,.. им просто ничего не говорилось. И это вот я считаю, что это преступление, которое врачи совершили сами... по своей специальности они не должны были этого делать, потому что изучать... можно изучать, но надо лечить, надо поднимать было голос.

scene 134

Натáлья Ива́новна Мирóнова, активистка движения зеленых

Женщина в элегантном джемпере и шейном платке рассказывает, сидя за столом.

Мирóнова: Та медицина, которая работала на нашей территории, она не ставила задачи оздоровления популяции после нашей радиационной трагедии. Она ставила перед собой — таков был социальный заказ — ставила перед собой задачу только наблюдения и констатации, а подоплека этого социального заказа была в том, чтобы доказать, что вреда ядерное загрязнение не принесло ни популяции, ни природе, ни здоровью населения.

scene 135

Генна́дий Никола́евич Рома́нов, директор ОНИСа в Челябинске-60

Директор Опытной научно-исследовательской станции (ОНИС) — мужчина в светлой рубашке и галстуке говорит, сидя за письменным столом в своем кабинете.

Рома́нов: Конечно, если по хорошему счету... если по хорошему счету, то население должно было быть информировано, что оно либо проживает в условиях постоянного риска, либо что этот риск уже реализуется и вот наступает прямая вот опасность для здоровья. Но я снова подчеркиваю, что в условиях бывших Советского Союза, когда действовала система, когда у нас практически было очень мало законов, защищающих права человека, об этом можно было только разговаривать, но... но не делать.

Часть 7: Чего бояться?

scene 137

Снег, река подо льдом, лес.

scene 138

Любóвь Мокрешóва

Женщина в зимнем пальто и меховой шапке стоит у проруби и показывает, как ловят рыбу острогóй.

Мокрешова: Вот освещают фонариком прорубь, и рыба идет на этот свет. И в это время они вот этой острогóй берут: Раз! И она у них подцепилась. И ловят, бывало, по нескольку мешков даже зараз налавливают. И продают еще вдобавок. Вот такие рыбины. Щуки вообще вот такие. Однажды прямо вот такую двухметровую я видела. Вот такие большущие щуки. Рыбу ловят, продают. Едят! Постоянно едят. Людям продают, которые люди совершенно ничего не подозревают об этой рыбе. В городе вот я недавно слышала, что более центнера наловил и по 20 рублей продал горожанам. Вот что самое страшное — что эта рыба идет нам в пищу. А у нас в принципе негде ловить.

scene 141

Миха́йл Рядно́в, житель Бродокалма́ка

Старик с седой бородой, в телогрейке и ушанке, стоит на заснеженной улице и рассказывает. Позже уходит, прихрамывая. В одной руке у него палка, в другой узелок. На ногах — валенки.

Рядно́в: А чего бояться? Она уже, значит,.. самое страшное-то прошло.

Рыбешка-то живая. Да и много ее. А вон какие эти, как их...

Женщина за кадром: Лини́.

Ряднов: Л́ини, да, вон какие. У меня сынишка-то... это, вон... вон какие ведь это прямо.

Женщина за кадром: Вы едите это?

Ряднов: А?

Женщина за кадром: Едите рыбу? Рыбу едите?

Ряднов: Ну! Жарим ее. Она пережарена ничего... весь атом уходит... кверху...

Чего бояться? Сейчас бояться надо, чтоб вот в магазине все было, вот продукты всё.

scene 142

Дети Фариды катаются на лыжах на обрыве над Течей, в Муслюмово.

Фарида: Вся наша живность — и скотина, и птица, всё на этой речке, ребятишки летом купаются, детям разве можно запретить спускаться к воде? Тем более, что другого источника нет.

scene 144

Фарида́ Шаймарда́нова, учительница Муслю́мовской школы

Фарида стоит на снегу возле своего дома и рассказывает. Позже мужчина в зимней одежде переходит замерзшую реку по льду, по протоптанной тропинке.

Фарида: Вот там мост. А люди живут здесь. Им удобнее переходить здесь. А здесь моста нет. А люди вот так и живут, понимают, что вредно. Особенно сейчас понимают, что нельзя. Ну дети-то не понимают, конечно. Взрослые об этом хорошо знают. Ну все равно. Так удобнее, так быстрее. Каждый день попробуй лишние три километра сделать туда и обратно, когда там дома хозяйство, дети и муж голодный.

scene 147

Роберт Ригер, сотрудник Корнеллского университета

Лето. Молодой человек в оранжевой футболке и в золотых очках ходит по берегу реки с дозиметром и измеряет уровень радиоактивности. Фарида и ее дочка смотрят на шкалу прибора. На реке — гуси, на берегу, на склоне возле дома Фарида — коза. Слышно, как кукарекает петух.

За кадром: Когда американцы летом приехали, они с собой прибор привезли, дозиметр американский. И Фарида их повела на речку, около ее дома, куда они зимой ходили.

Фарида: Вот у нас уже... 169... вовсю стреляет. Славомир, вам видно, да? Уже 200, 200 с лишним. Вовсю, как сумасшедший.

Роберт: So far this is the highest reading we've seen. If normal is 0.02, and this is reading 0.6, what is that? I'm not sure.

scene 148

Лето. На узких мостках через речку четверо детей удят рыбу. Роберт Ригер в яркой оранжевой футболке измеряет уровень радиоактивности на берегу, меряет активность пойманной рыбки. Славомир спрашивает детей. Старший из мальчиков, лет десяти, в зеленой рубашке и бейзбольной кепке, надетой задом наперед, отвечает ему.

Robert: Right around here, where the children have been playing, it's some of the highest that we've seen, it's 0.8 to 0.9, right through this area. Have me do the fish... I'll bring it down toward the fish, and watch this dial, what happens... it goes all the way to the bottom.

Мальчик: Это много в ней?

Славомир: Очень много. Нельзя есть эту рыбу.

Мальчик: А чего если съешь?

Славомир: Заболеешь.

Мальчик: А мы и так больные. «Зараза к заразе не пристаёт» называется это.

Славомир: Что ты знаешь?

Мальчик: Чего я? Ничего я не знаю.

Славомир: Как ничего не знаешь?

Мальчик: Река заразная, вот чего я знаю. Купаться нельзя.

Славомир: А приходите?

Мальчик: Приходить тоже нельзя, но мы приходим.

Славомир: Почему?

Мальчики (хором): Для интереса.... Для интереса, вот именно.

Славомир: Какого интереса?

Мальчики: Ловить... Рыбу ловить.

Славомир: Но ты знаешь, что нельзя ловить рыбу.

Мальчик: Знаю.

Славомир: Но приходишь ловить.

Мальчик: Прихожу.

Славомир: Почему?

Мальчик: Интересно!

Славомир: Что интересно?

Мальчик: Рыбу ловить.

Славомир: Но есть другая река, где можно ловить?

Мальчик: Здесь другой реки нету.

scene 151

Эльви́ра Злоби́нская, журналист

Женщина в больших роговых очках, в бусах и в темном платье сидит перед стеной телевизионных мониторов в телестудии и рассказывает. Позже мы видим летний пейзаж: гусей и коров на берегу реки, мост, колючую проволоку.

Злоби́нская: Понимаете, ведь совершенно бесполезное занятие выстраивать ряды колючей проволоки вокруг этой загрязненной реки. Сельский житель особенно — он экологически совершенно неразрывно связан с рекой. Река — это часть их жизни. И как бы ни пытались насильственно, милицейскими ли нарядами, колючей проволокой отторгнуть человека от реки — это занятие совершенно пустое.

Часть 8: Ничего здесь не изменится

scene 162

Село Муслумово. Забрызганный грязью автобус на заснеженной деревенской улице. Женщина в телогрейке и синем платке тащит большой бидон на колесах, потом крутит рукоятку примитивного деревянного колодца. Цепь поднимает ведро с водой. Женщина подхватывает его рукой в рукавице, выливает воду в бидон, вешает ведро на гвоздь, закрывает бидон и задвигает грубо сколоченную деревянную крышку колодца. Тащит бидон прочь — по снегу, потом по заснеженной мостовой.

scene 163

Продолжение предыдущей сцены: заснеженная деревенская улица, женщина вдалеке тащит бидон с водой на колесах.

Голос Светланы Ахмадеевой за кадром: Жителей нашего села надо переселить в другое, более чистое место... экологически чистое место... подальше от этой речки.

scene 164

Светлана Ахмадеева, жительница села Муслумово

Светлана, молодая женщина в белой куртке, стоит у кладбищенской ограды и рассказывает.

Светлана: Ничего у нас не изменится. Может быть раздадут какие-нибудь сотни там, гробовых, как у нас называют, денег... ну, может не сотни, может быть по тысяче дадут, и я думаю на этом всё заглохнет, как говорится. Ничего здесь не изменится.

scene 165

Рамиль Ягафарович Мухомедьяров, учитель Муслумовской школы

Летом на улице села Муслумово. Рамиль — мужчина средних лет, одетый в спортивную куртку, идет по улице и рассказывает. Позже он проходит мимо большой группы мужчин и детей, стоящих в грязи вокруг мотоцикла. Красный легковой автомобиль проезжает по раскисшей, немощенной улице.

Рамиль: У нас народ проголосовал, чтобы нас переселили. Народ согласен в принципе, и старики согласны, чтобы переселили нас куда-нибудь подальше от реки. Но все равно этот вопрос не решается, он как остался на бумажке, так и по-моему... воз и ныне там, как говорится. У нас народ такой, что он сейчас уже смирился вот с тем положением... нам уже по-моему становится безразличным, кто приезжает к нам, какие вопросы они решают — экологические вопросы или свои личные. Трудно сейчас судить, конечно, но я думаю так. Потому что мы не видим конкретной помощи. Если была бы конкретная помощь какая-то, то может быть народ хоть как-то почувствовал бы.

scene 166

Лéна Морóзова (выросла в селе Муслóмово)

Молодая женщина в белой футболке, платке и рабочих рукавицах стоит посреди картофельного поля с мотыгой в руке рассказывает. Позже мы видим, как она окучивает картофель.

Лéна Морозова: Кому мы тут нужны? У нас, знаете, ничего никому не надо. Только так говорят. Вон, начальники все по себе расхватали, а людям чего? Людям ничего. Чего нам остается — смотреть только как они хорошо живут. Кому я нужна? Кому я нужна? Боже мой. У нас каждый отдельный человек сам по себе ничего не значит, у нас вот — «Народ!» Привыкли: «Народ!» А одна я — что я могу?

scene 167

Анiса Нинее́ва, почтальон в селе Тiшино

Женщина в полосатой летней рубашке идет по деревенской улице и рассказывает. Позже она подходит к водопроводной колонке, набирает два ведра воды и несет их в дом. С ней дети.

Анiса Нинее́ва: Вы знаете, я почему-то разуверилась в этой демократической власти, честное слово. Вижу, что ничего не делается. И не сдвинется наверное ничего с места.

За кадром: Я лично тоже думаю, что ничего для нас не сделают. И между прочим, Романов и не считает, что надо что-то делать. Они там на опытной станции опыты делали и вычисления всякие и решили, что жить на реке можно. Он так американцам и сказал: «Я, — говорит — не хочу сказать, что на реке хорошо. Но эвакуацию считаю нецелесообразной.» Романов говорит, что мы сами во всем виноваты.

scene 168

Генна́дий Никола́евич Рома́нов, директор ОНИСа в Челябинске-60

Директор ОНИСа — мужчина в светлой рубашке и галстуке рассказывает, сидя за письменным столом в своем кабинете. Позже, когда у него звонит телефон, и он начинает разговаривать с кем-то по телефону, мы видим портрет Ленина на стене кабинета.

Рома́нов: Здесь у нас тут случился какой-то парадокс. Поставлена колючая проволока... она есть, так? Население умышленно вот нарушает режим ограничения... самым разнообразным способом, и при этом еще вот говорит: «Принимайте вот ко мне вот меры, я, значит, наелся радиоактивности.» В общем какой-то парадокс. Значит это снова, я хочу сказать, подчеркивает мою мысль, что нам надо было воспитывать людей. Но вот отсутствие гласности, отсутствие возможности сказать правду вероятно и погубило. Потому что... Извините. (в телефонную трубку) Да? Алло. А! Привет. А меня не будет, я в Москве буду. Ну. (продолжает разговор со Славомиром) Поэтому вот на мой взгляд лучше всего ужесточить режим... принудительный режим. И потом вот ввести в сознание вот людей, что ну нельзя там выпасать животных, нельзя там выпасать водоплавающую птицу, нельзя там вот купаться, и все вопросы об этом

исчезнут. Хотя, хотя вот наше законодательство несовершенно, и я бы хотел сказать, что в этом плане конечно государство обязано выплачивать людям плату за риск. Вот если бы была плата за риск жителям Муслюмово, что они проживают рядом с грязным источником, никаких бы проблем не было. Они бы знали, что им выплачивают только за то, что им не разрешают выпасать там гусей. Никаких бы проблем не было. Я в этом вот так вот убежден. (проводит рукой поперек горла)

Часть 9: Хорошее дело сделали

scene 176

Лето. Пожилой мужчина в синей рабочей куртке идет к реке по грязной, разъезженной дороге. В руке у него кепка. По сторонам дороги — кусты, заросшие, необработанные поля.

scene 177

Тукáй Магафúров, житель села Нóвое Курмáново

Лето. Пожилой мужчина в кепке и в синей рабочей куртке стоит у реки и рассказывает.

Магафúров: Когда это все случилось, мы были молодые, мы ничего не знали, мы радовались тому, что построен атомный завод, мы радовались тому, что построили первую атомную бомбу в Советском Союзе. Мы же не знали, что атомный завод находится в устье... в верховьях реки Течи. Мы же не знали.

scene 178

Лéв Петрóвич Феоктíстов (работал в Челябинске-65)

Пожилой, седовласый мужчина интеллигентного вида сидит в своей московской квартире и рассказывает. На нем серый пуловер, белая рубашка, черный галстук.

Феоктíстов: Это было... ну, новая совершенно техника, новая физика, и она очень своеобразна и интересна. Это раз. Во-вторых, конечно, может быть там определенная пропаганда была этого, и ну нам казалось — да я и сейчас так думаю — что мы делаем очень важное, патриотическое какое-то дело, направленное на благо человека, а вовсе не во вред ему. Поэтому вот эти два обстоятельства в общем-то всегда нас поддерживали. Ну и поддерживало огромное совершенно внимание со стороны ну, руководства, самых верхних слоев. Я, например, встречался с правительством несколько раз. Это вот все... это, это конечно ну как-то человека настраивает, правильно? приподнимает.

Славомир: Вы сами видели атомные бомбы?

Феоктíстов: Ммм... ну в таком оформлении, что ли, уже внешнем, что ли оформлении... я, например, присутствовал, когда их подвешивали к самолету.

Славомир: Вы помните, какое у вас было тогда чувство?

Феоктíстов: Только гордости, знаете, вот такое вот, что хорошее дело сделали, сейчас полетит там, это самое...

scene 183

Генна́дий Никола́евич Рома́нов, директор ОНИСа в Челябинске-60

Директор ОНИСа — мужчина в светлой рубашке и галстуке рассказывает, сидя за письменным столом в своем кабинете.

Романов: Значит шла гонка вооружений между Советским Союзом и Соединенными Штатами — кто раньше и кто больше настряпает ядерного оружия. Был принцип «Давай! Давай!». Руководил ядерной программой в

Советском Союзе небезызвестный Лаврентий Павлович Берия. Ведь в то время как раз меньше всего заботились о состоянии здоровья людей, когда, значит, людей, так сказать, арестовывали и ссылали в лагеря. Ведь это же еще, это же еще было в самом вот ну, в конце сороковых, в начале пятидесятих годов, так ведь?

scene 185

Лев Петрович Феоктистов — пожилой, седовласый мужчина интеллигентного вида — сидит в московской квартире и рассказывает. На нем серый пуловер, белая рубашка, черный галстук. Он занимался разработкой ядерного оружия на Маяке, в Челябинске-65.

Феоктистов: Сейчас приходят сожаления может быть даже о том, что слишком много времени потратил на бомбы, на это вот такое, военное. Но убеждение в том — может быть это оно навязанное, так сказать, происходит из-за того, что я действительно всю жизнь занимался этой ядерной энергией — но я совершенно и глубоко убежден в том, что вот это открытие само по себе — ядерная энергия — является совершенно эпохальным и совершенно необходимым для человека. И что человек не может — как бы мы там ни сопротивлялись, какие бы мы слова сегодня ни говорили после Чернобыля, что это нам не надо, что это там не годится никуда, и все остальное — все равно человек придет к этому, к использованию этой энергии. Не в военных... конечно не для бомб, а для того, чтобы сделать источники, притом экологически чистые источники, которые будут производить энергию.

Часть 10: Наши корни здесь

scene 186

Лето. Мост над рекой Теча в селе Муслюмово. Овцы под мостом, гуси на берегу. Рамиль (в серой куртке) здоровается с муллой. Мулла в длинном черном халате и в тюбетейке.

scene 187

Роберт Ригер, сотрудник Корнеллского университета

Лето. Мост над рекой Теча в селе Муслюмово. Роберт Ригер в оранжевой футболке замеряет уровень радиоактивности возле реки. Рядом с ним стоит мулла в длинном черном халате и в тюбетейке.

Славомир: How much is it?

Роберт: It's quite high here. It's twenty times what we measured in his yard, in the back of his yard. In his potato field.

scene 189

Рамиль Ягафарович Мухомедьяров, учитель Муслюмовской школы

Лето. Рамиль в серой куртке стоит у реки и рассказывает.

Рамиль: Вы знаете, страшно то, что зная, что такая высокая радиация, мы здесь живем. Самое страшное вот это. А куда деться еще?

Славомир: Что делать?

Рамиль: Что делать? Не знаю. Может быть, это наше бессилие... трудно сейчас даже сказать.

Славомир: Ну почему ты не уедешь? Скажи.

Рамиль: Почему я не уеду? Это проще, конечно, убежать, но все равно ведь здесь наши корни, здесь и отец, и... Здесь мы родились. А куда уехать? От судьбы далеко не убежишь. Мы уже облучены. Даже если уедем куда-то в чистую зону... Мне кажется, мы здесь больше уже как-то адаптировались, и организм у нас к таким условиям адаптировался.

scene 190

Лето. На дворе крестьянского дома пожилая женщина ставит самовар: наливает воду из ведра, поджигает спичкой кусок бересты, надевает на самовар трубу. Семья и гости — взрослые и дети — готовятся пить чай, моют руки под ручкомойником. За кадром голос Рамиля продолжает предыдущее объяснение.

Рамиль: Вы знаете... люди не уезжают почему...? Если бы народ знал правду лет 30 назад, может быть и уехали бы. Но сейчас тут прижились, уже не одно поколение выросло. Наши корни здесь, как говорится.

scene 192

Илюза Сунарсина, ученица школы в посёлке Аргаяш

Илюза, девятилетняя девочка с башкирским лицом, говорит, сидя на диване в комнате городской квартиры. Позже она играет на баяне. В этой же комнате сидит на другом диване ее отец, Идрис Сунарсин.

Илюза: У нас стало много заводов, которые вот, ну... ну вот они дымят, и воздух заражается... ну мы сейчас уже сами зараженные, мы живем так. А вот некоторые люди не могут жить, они умирают от этой зараженности. У нас вот наверное весь Урал уже весь зараженный, а мы уже этой зараженностью живем. И вот мы купаемся в зараженном озере, и вот ходим, и с нами ничего не будет, ну может мы еще проживем до лет пятидесяти.